

Генри Райдер
Хаггард

ДОЧЬ
МОНТЕСУМЫ

♦

ПРЕКРАСНАЯ
МАРГАРЕТ

♦

ПЕРСТЕНЬ
ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 13

Составитель Александр Лютиков

Перевод с английского
Феликса Мендельсона, Бориса Грибанова, Андрея Полошака

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В оформлении книги использованы иллюстрации
Мориса Грайфенхагена («Дочь Монтесумы»),
Джозефа Ретклифа Скелтона («Прекрасная Маргарет»)
и Венцеслава Черны («Перстень царицы Савской»).

Хаггард Г. Р.

X 13 Дочь Монтесумы ; Прекрасная Маргарет ; Перстень царицы Савской : романы / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. Ф. Мендельсона, Б. Грибанова, А. Полошака. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 896 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30614-1

Генри Райдер Хаггард (1856–1925) — классик мировой приключенческой литературы, рыцарь-командор ордена Британской империи, публицист, политик и увлеченный исследователь, которого всю жизнь манили затерянные миры. Его романами зачитываются и поныне, герои Хаггарда вызывают искреннее восхищение — это отважные покорители морей и неизведанных земель, люди широкой натуры и твердого характера, готовые сражаться со злом во имя справедливости.

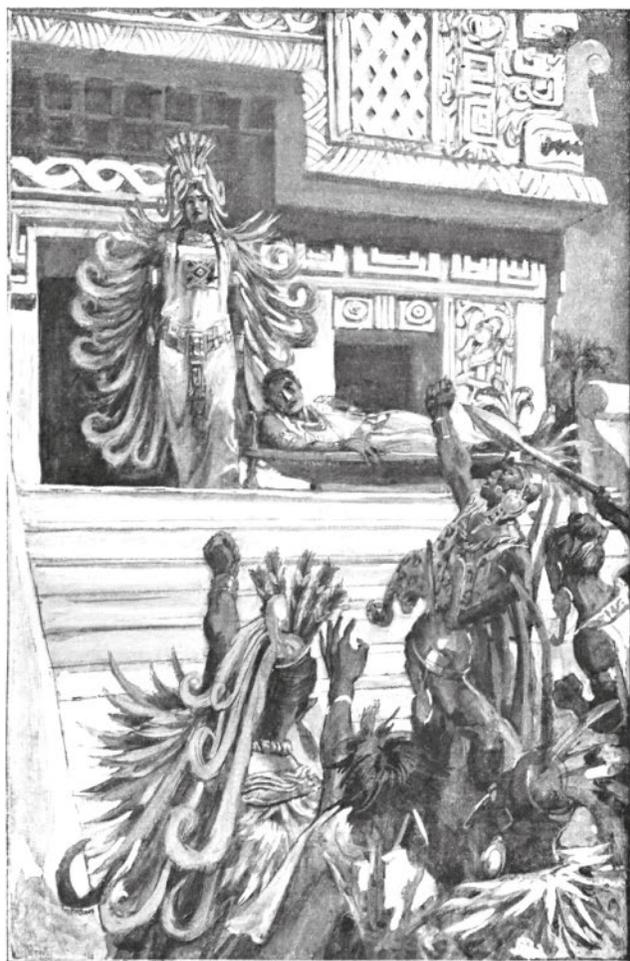
В настоящем томе собраны три знаменитых романа Хаггарда с великолепной графикой известных художников — современников автора.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

- © Б. Т. Грибанов (наследник), перевод, 2026
- © Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 2026
- © А. С. Полошак, перевод, 2019, 2021
- © Издание на русском языке, состав, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30614-1

ДОЧЬ МОНТЕСУМЫ

Предисловие

Памятуя о том, что терпение читателей не безгранично, автор во многих случаях сократил наиболее непроизносимые из ацтекских имен: так «Попокатепетль» превратился в «Попо», а «Кецалькоатль» — в «Кецалья», и т. д.¹ Молитва в главе XXVI — вольное переложение французского перевода Жорданэ из книги Бернардино де Саагуна «Всеобщая история вещей Новой Испании», написанной вскоре после завоевания Мексики (книга 6, глава 5); автор сего романа остается в неоплатном долгу перед этим монументальным трудом, а также перед восхитительной «Историей завоевания Мексики» за авторством Прескотта. Знамения, предрекающие закат ацтекской империи, а также многие события и происшествия, описанные в этом романе (например, ежегодное олицетворение бога Тескатлипоки в пленнике, избранном за красивейшую внешность и обреченном на принесение в жертву), по большей части соответствуют исторической действительности; аутентичны и благородные речи императора Куаутемока перед правителем Такубы, когда оба они принимали страдания от рук испанцев.

Посвящение

*Дитчингем, Норфолк, 5 октября 1892 года.
Д. Глэдвину Джеббу, эсквайру*

Дорогой мой Джебб, сколь ни удивительны приключения, сколь ни чудесны избавления однажды жившего в Вашем округе Томаса Вингфилда, о ком повествуется на этих страницах, Ваш жизненный путь едва ли не столь же причудлив, а поскольку чувство схожести вызывает благосклонность, смею надеяться, что Вы удостоите мой труд хотя бы вздохом сочувствия. Среди многих далеких земель Вы

¹ Имеется в виду оригинальный текст романа. — *Примеч. ред.*

непреренно узнаете ту, где Томас Вингфилд любил и сражался, мстил и смирялся с судьбой, ибо не кто иной, как Вы, поведали мне о ее народах и реликвиях, о ее долинах и вулканах. Вам даже известно, где искать сокровища, что Томас Вингфилд помог спрятать три с лишним века назад, — те бесчисленные сокровища, пуститься на розыски которых нам не дала злая судьба. Теперь же индейцы вновь владеют своим секретом, и пусть даже многие отыщут сей клад, ни одному из них не достанет сил поднять запечатывающий сокровищницу резной камень, и никогда золотая глава Монтесумы не воссияет при свете дня. Значит, так тому и быть! Богатство, омытое слезами Кортеса и политое грешной кровью его солдат, навеки останется нетронутым у берегов горького озера, чьи воды поведали Вам о древнем ужасе, о вечно живом и бодрствующем Жертвенном боге, воспоминания о котором я не рискнул бы у Вас отнять, и, в свою очередь, насколько об этом не жалею.

Но вот что никогда не будет утрачено, вот что видится мне большей ценностью, чем все сокровища павшего героя Куаутемока, все его драгоценные камни и кувшины золота, — это, дорогой мой Джебб, воспоминания об истинной дружбе, чьи свидетельства явились миру под далекой сенью Спящей Женщины¹; в благодарности за эти воспоминания спрашиваю у Вас дозволения указать Ваше имя в книге, которая никогда не появилась бы без Вашей помощи. Остаюсь, дорогой мой Джебб,

всегда искренне Ваш,
Г. Райдер Хаггард

Примечание

Безвременно уставший от жизненных трудностей и невероятных приключений, мистер Джебб скончался 18 марта 1893 года и унес с собою любовь и уважение всех, кто удостоился чести называть себя его другом. Автору приятно было узнать, что чтение сей рукописи и факт ее посвящения мистеру Джеббу вызывали у него удовлетворенную улыбку в просветах между предсмертными страданиями.

Г. Р. Г.

22 марта 1893 года²

¹ Мексиканский вулкан Истаксиуатль. — *Примеч. автора.*

² Предисловие, посвящение, примечание к посвящению — в переводе А. Полошака.

Глава I

ПОЧЕМУ ТОМАС ВИНГФИЛД РАССКАЗЫВАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ

Хвала Богу, даровавшему нам победу! Сила Испании сломлена, корабли ее потонули или бежали, морская пучина поглотила сотни и тысячи ее моряков и солдат, и теперь моя Англия может вздохнуть спокойно. Они шли, чтобы покорить нас, чтобы пытать нас и сжигать живьем на кострах, они шли, чтобы сделать с нами, вольными англичанами, то же самое, что Кортес сделал с индейцами Анауака¹.

У наших сыновей они хотели отнять свободу, а у наших дочерей — честь; наши души они хотели отдать попам, а наши тела и все наше достояние — папе римскому и своему императору! Но Бог ответил им бурей, а Дрейк² ответил им пулями. Они исчезли, и вместе с ними исчезла слава Испании.

Я, Томас Вингфилд, услышал об этом сегодня, в четверг, на бангийской базарной площади, куда приехал, чтобы потолковать с людьми и продать яблоки — те, что уцелели в моем саду после страшных штормовых ветров, оголивших в нынешнем году почти все деревья.

Всякие слухи доходили до меня и раньше, но сегодня в Банги я встретил человека по имени Юнг, из рода ярмутских Юнгов, который сам сражался на ярмутском корабле в битве при Гравелине, а потом преследовал испанцев дальше на север, до тех пор, пока они не погибли в Шотландском море.

Говорят, что малое порождает великое, но здесь случилось наоборот: великое породило малое. Эти славные события побудили меня, Томаса Вингфилда из Лоджа, прихожанина дитчингемского

¹ *Анауак* — государство ацтеков, которое было расположено на территории современной Мексики. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² *Фрэнсис Дрейк* — английский мореплаватель и пират, участник разгрома Непобедимой армады (флота Испании) в Гравелинском сражении (1588).

прихода графства Норфолк, взяться на склоне лет за перо и бумагу, несмотря на глубокую старость и на то, что жить мне осталось совсем немного.

Десять лет назад, в 1578 году, когда наша милостивая королева Елизавета была проездом в здешних краях, ее величество пожелала увидеть меня в Норидже. В тот день она сказала, что слухи обо мне дошли до нее, и повелела рассказать ей что-нибудь интересное из моей жизни, вернее — из тех двадцати с лишним лет, которые я провел среди индейцев в то время, когда Кортес покорял их страну Анауак, известную ныне под именем Мексики. Но едва я успел приступить к рассказу, как ее величеству уже пришлось отправляться в Коссэй на оленью охоту. Уезжая, королева пожелала, чтобы я изложил свою историю на бумаге, дабы она могла ее прочесть, и сказала, что, если эта история окажется хотя бы наполовину столь занимательной, какой обещает быть, она пожалует мне титул баронета и я окончу свои дни сэром Томасом Вингфилдом. На это я ответил, что никогда не умел обращаться с такими вещами, как перо и бумага, однако повеление ее величества постараюсь исполнить. Затем я осмелился преподнести ей большой изумруд, один из тех, что некогда украшали шею дочери Монтесумы, а до нее — многих других принцесс. При виде этого изумруда глаза ее величества засверкали так же ярко, как сам драгоценный камень, ибо наша королева любит подобные безделушки. Наверное, если бы я захотел, я мог бы заключить с нею сделку и тут же получить свой титул в обмен на изумруд, но я много лет был вождем могущественного племени и теперь не желал становиться чьим бы то ни было слугой. Поэтому я просто поцеловал королевскую руку, которая так крепко сжала драгоценный камень, что все косточки ее побелели, простилась и в тот же день вернулся к себе домой в долину Уэйвни.

Я не забыл, однако, пожелания королевы и давно уже собирался изложить на бумаге историю своей жизни, пока моя жизнь и моя история не оборвались одновременно. Для меня, человека в подобных делах неискушенного, задача эта поистине нелегка. Но мне ли страшиться трудностей, когда уже близок час вечного отдохновения? Я повидал такое, чего не видел ни один англичанин и о чем стоит порассказать.

Жизнь моя была необычайна. Много раз, когда я думал, что уже погиб и спасения нет, Провидение спасало меня, может быть, только для того, чтобы люди узнали мою историю и извлекли из нее урок, ибо все, что я пережил и перевидал, свидетельствует об одной

непреложной истине: зло никогда не приносит добра, зло порождает только зло и в конце концов обрушивается на голову того, кто его творит, будь то один человек или целый народ.

Вспомните хотя бы судьбу Кортеса, этого великого завоевателя! Я его знал в те дни, когда он обладал почти божественной властью, а лет сорок назад, как мне говорили, прославленный Кортес умер в Испании в немилости и нищете¹. Так-то! И еще я слышал, что сын Кортеса, дон Мартин, был подвергнут пыткам в том самом городе, который его отец с такой неслыханной жестокостью завоевывал для испанцев. Все это в порыве отчаяния предсказала Кортесу первая и любимейшая из его подруг Малиналь — испанцы ее называли Мариной, — когда Кортес бросил ее и отдал в жены дону Хуану Харамильо, забыв обо всем, что их связывало, и о том, что она не раз спасала от верной смерти его самого и его солдат.

А вспомните судьбу самой Марины! Она любила своего мужа Кортеса, или Малинцина, как его начали из-за нее называть индейцы, и ради нее предала свою родину. Если бы не Марина, испанцы никогда бы не овладели Теночтитланом, или, как теперь говорят, Мехико. Ради своей любви она пожертвовала честью, но что она получила взамен? Что хорошего принесло ей содеянное зло? В награду за все, когда красота Марины поблекла, ее отдали в жены другому, менее знатному человеку, точно так же, как отслужившую свое скотину продают более бедному хозяину.

Вспомните также судьбу столь могущественного народа, как народ Анауака. Он творил зло во имя добра; в жертву своим ложным богам он приносил тысячи человеческих жизней, надеясь, что боги пошлют ему мир, благоденствие и богатство на многие поколения. Но как ответил им истинный Бог? Вместо богатства он ниспослал разорение, вместо мира — испанский меч, а вместо благоденствия — горе, пытки и рабство. И все это потому, что они приносили своих детей на алтари Уицилопочтли и Тескатлипоки².

Или возьмите самих испанцев. Во имя милосердия они творили такие жестокости, какие и не снились язычникам-ацтекам; во имя Христа они каждодневно нарушали все его заповеди. Неужто они будут торжествовать, неужто эти злодеяния принесут им счастье?

¹ В действительности завоеватель Мексики Эрнандо Кортес (1485–1547) до конца своих дней был несметно богат и носил титул герцога.

² *Уицилопочтли* — «колдун колибри», бог войны и солнца; *Тескатлипока* — «дымящееся зеркало», главный бог ацтеков. Обоим богам приносили человеческие жертвы.

Я слишком стар и не доживу до того, чтобы увидеть собственными глазами ответ на мой вопрос. Но уже теперь ответ этот ясен. Я знаю, что все злодеяния испанцев падут на их собственные головы, и уже теперь вижу этот самый гордый на свете народ обесславленным, обесчещенным и разоренным, несчастным заморышем, у которого нет ничего, кроме великого прошлого. То, что Дрейк начал недавно под Гравелином, Бог в иное время завершит повсеместно. От могущества Испании не останется и следа, империя испанцев исчезнет, как исчезла империя Монтесумы.

Так вершатся события великие, о которых известно всем, и точно так же было в жизни столь безвестного человека, как я, Томас Вингфилд. Воистину небеса были милостивы ко мне: они дали мне время раскаяться в грехах, которые обратились против меня самого, ибо я присвоил себе право Всемогущего и возомнил себя орудием мести в его деснице. То была справедливая кара! Зная это, я и решился написать историю своей жизни, дабы она послужила другим в назидание.

Как я уже говорил, мысль эта зрела во мне долгие годы, хотя, по совести сказать, впервые заронила ее королева. Но лишь теперь, когда я достоверно узнал о судьбе Непобедимой армады, эта мысль дала наконец росток. А принесет ли она плод — бог весть! Ибо события последних дней странным образом взволновали меня и перенесли во времена моей юности, наполненной страстями, битвами и невероятными приключениями, когда я сражался против тех же самых испанцев за себя, за Куаутемока и за народ отоми. Давно я не вспоминал об этом, и сейчас те годы вновь оживают передо мной. У меня такое чувство, словно то, что я пережил в далеком прошлом, и было моей настоящей жизнью, а все остальное — лишь сновидением. Со стариками такое случается.

Из окна комнаты, где я пишу, видна мирная долина Уэйвни. За рекой простираются обширные земли, поросшие золотистым дробком, дальше виднеются развалины замка и красные крыши Банги, сгрудившиеся вокруг колокольни церкви Святой Марии, а еще дальше раскинулись королевские леса Стоува и поля фликстонского аббатства. На правом крутом берегу реки зеленеют дубравы Иршема, по лугам низменного левого берега, словно пестрые пятна, чуть приметно движутся стада Беклса и Лоустофта, а позади по травянистому склону холма, который в старину называли Графским виноградником, поднимаются террасами мой парк и фруктовый

сад. Все тут, но сейчас у меня такое чувство, словно ничего этого не существует. Вместо долины Уэйвни я вижу долину Теночтитлана, вместо косогоров Стоува — снежные склоны вулканов Истаксиуатля и Попокатепетля, вместо шпиля Иршема и колоколен Банги, Дитчингема и Беклса передо мной вздымаются жертвенные пирамиды, озаренные священным пламенем, а там, где на мирных лугах пасутся стада, я вижу всадников Кортеса, рвущихся в бой. Все вернуться ко мне. Все, что было жизнью, остальное — сон.

Я снова чувствую себя молодым, и теперь, если судьба даст мне время, я постараюсь рассказать историю своей жизни, прежде чем отойду в мир вечных сновидений и навсегда упокоюсь на деревенском кладбище.

Я давно уже начал свой труд, но, пока была жива моя дорогая жена, покинувшая меня совсем недавно, в прошлое Рождество, завершить его я все равно бы не смог. По совести говоря, моя жена любила меня так, как, я думаю, мало кого любили. Мне посчастливилось. Но в моем прошлом было много такого, что омрачало ее любовь и вызывало в ней ревность. Впрочем, это чувство смягчалось в ее благородной душе самым искренним и полным прощением. Сердце моей жены терзало иное тайное горе, и я это знал, хотя сама она никогда ничего не говорила.

У нас родился лишь один ребенок, да и тот умер в младенчестве. Сколько жена ни молила Бога послать ей другого, все мольбы ее оставались тщетными, и я, вспоминая слова Отоми, думал, что вряд ли эти мольбы помогут. Но жена моя знала, что прежде за океаном у меня были дети от другой женщины, которых я любил и которых буду всегда любить, хотя все они умерли много лет назад, и это терзало ей душу. Она могла простить, что я был женат на другой, но то, что эта женщина родила мне детей, которые были все еще дороги моему сердцу, — этого она, даже все простив, забыть не могла, ибо сама была бездетна.

Я мужчина и не могу объяснить причину ее тоски. Кто поймет любящее женское сердце? Но было именно так. Однажды мы даже поссорились из-за этого, поссорились в первый и последний раз.

Случилось это на второй год после нашей свадьбы, через несколько дней после того, как мы похоронили на дитчингемском кладбище наше дитя. Однажды ночью, когда я спал рядом с моей женой, мне приснился удивительно яркий сон. Мне снилось, что вокруг меня собрались все мои сыновья, все четверо, и самый боль-

шой держал на руках моего первенца, младенца, умершего во время великой осады. Они пришли ко мне, как частенько приходили в те времена, когда я правил народом отоми в Городе Сосен, они говорили со мной, одаривали меня цветами и целовали мне руки. Я любовался их силой и красотой, и гордость переполняла мое сердце. Во сне мне казалось, словно я избавился от большого горя, словно я наконец опять встретил моих дорогих детей, которых навсегда потерял. Увы! Что может быть страшнее подобных снов? Сновидения, как бы насмехаясь над нами, воскрешают мертвых, возвращают нам тех, кто дорог, а потом рассеиваются и оставляют нас в еще большей и горшей скорби.

Так вот, мне явилось подобное сновидение, и во сне я разговаривал со своими детьми, называя их самыми ласковыми именами, пока наконец не проснулся. И тогда, ощутив всю боль утраты, я разрыдался в голос.

Было уже раннее утро. Лучи августовского солнца проникали в окно, но я все еще продолжал лежать и плакать. Окруженный видениями сна, я повторял сквозь слезы имена тех, кого уже никогда не увижу. Я надеялся, что жена моя спит, но случилось так, что она проснулась и слышала, как я разговаривал с мертвыми и во сне и потом. И хотя я произносил некоторые слова на языке отоми, все остальное было на английском, а потому, зная имена моих детей, жена все поняла. Внезапно она соскочила с постели и встала предо мной. В глазах ее сверкал такой гнев, какого я в них не видал никогда — ни до, ни после. Но и в этот раз он почти тотчас сменился слезами.

— Что с тобой, жена моя? — спросил я с удивлением.

— Ты думаешь, мне легко слышать такие слова из твоих уст? — сказала она в ответ. — Разве мало того, что я пожертвовала ради тебя своей молодостью и была верна тебе даже тогда, когда все до последнего считали тебя погибшим? О том, как ты сам хранил мне верность, тебе лучше знать. Но разве я хоть когда-нибудь упрекала тебя, хотя ты позабыл меня и женился на дикарке?

— Никогда, моя милая. Но ведь и я никогда тебя не забывал, — ты это прекрасно знаешь. Меня только удивляет, что ты ревнуешь к той, которой давно уже нет!

— Разве к мертвой ревнуют? Можно спорить с живыми, но как бороться с любовью, которую смерть отметила печатью совершенства и сделала бессмертной? Однако это я тебе прощаю, потому что

могу потягаться с той женщиной. Ведь ты был моим до нее и остался моим после. Но дети, дети — это другое дело! Дети были только ее и твоими. Моего в них нет ни кровиночки, ни частицы. И я знаю, что ты любил их живых, любишь их мертвых и будешь любить их вечно, даже за гробом, если только встретишься с ними на том свете. А я уже стара. Я постарела за те двадцать с лишним лет, пока ждала тебя, и теперь я уже не рожу тебе других детей. Я принесла тебе одного, но Бог прибрал его, чтобы я не была слишком счастлива. Ты даже имени его не произнес среди тех других странных имен! Мой несчастный крошка был для тебя слишком маленьким!..

Здесь она запнулась и залилась слезами, а я счел за лучшее промолчать, ибо действительно между теми детьми и этим ребенком была большая разница: все мои сыновья, за исключением первенца, умерли почти юношами, в то время как ее младенец не прожил и двух месяцев.

Так вот, когда королева впервые подсказала мне мысль написать историю моей жизни, я сразу вспомнил об этой размолвке со своей любимой женой. Я не мог написать правду, потому что мне пришлось бы умолчать о той, которая также была моей женой, об Отоми, дочери Монтесумы, принцессе народа отоми, и о детях, которых она мне родила. И вот я решил тогда вовсе не братья за перо, потому что, хотя мы почти не говорили об этом за все прожитые вместе годы, я знал, что моя Лили ничего не забыла и ревность ее, будучи особого, более тонкого свойства, не только не угасала со временем, а, наоборот, возрастала. Написать же обо всем так, чтобы жена моя ничего не знала, я не мог, ибо до последних дней она следила за каждым моим шагом и, кажется, даже читала мои мысли.

Так мы и старели бок о бок, и годы текли безмятежно. Мы редко вспоминали о том большом промежутке, когда были потеряны друг для друга, и о том, что тогда произошло. Но всему приходит конец. Моя жена внезапно умерла во сне на восемьдесят седьмом году жизни. Я похоронил ее, глубоко скорбя, однако скорбь моя не была безутешной, ибо я знал, что скоро встречу и с ней, и со всеми другими, кого любил.

Там, на небесах, ждут меня моя мать, и сестра, и мои сыновья; там ожидает меня мой друг Куаутемок, последний император ацтеков, и многие другие, опередившие меня соратники по оружию; и там же, хотя она в этом сомневалась, встретит меня моя прекрасная, гордая Отоми. На небесах, которых я надеюсь достичь, все гре-

хи моей юности и ошибки зрелого возраста будут преданы забвению. Говорят, что там нет ни замужних, ни женатых, и это очень хорошо, потому что иначе я просто не знаю, как ужились бы между собой обе мои жены, гордая дочь Монтесумы и нежная дочь английского сквайра.

А теперь приступим к рассказу.

Глава II

СЕМЬЯ ТОМАСА ВИНГФИЛДА

Я, Томас Вингфилд, родился здесь, в Дитчингеме, в той самой комнате, где сейчас пишу. Мой отчий дом был выстроен или основательно переделан во времена царствования Генриха VII, но уже задолго до этого на том же месте стояло какое-то строение, известное под названием Сторожки Садовника. Здесь некогда жил сторож виноградника. В древности склоны холма, на котором стоит наш дом, омывали волны залива, а может быть, и открытого моря. Во времена эрла¹ Бигода весь холм был покрыт виноградниками; должно быть, климат был раньше мягче или земледельцы прежних веков искуснее. С тех пор прошло много лет, виноградные гроздья давно уже перестали здесь вызревать, однако имя «Графский Виноградник» так и осталось за всей этой местностью, расположенной между нашим домом и целебным источником, который бьет из-под земли в полумиле отсюда; чтобы искупаться в его водах, люди приезжают даже из Нориджа и Лоустофта. Но и по сей день здешние сады, защищенные от восточных ветров, зацветают на две недели раньше, чем во всей округе, и даже в майские холода здесь можно ходить без плаща, в то время как на вершине холма, на какие-нибудь двести шагов повыше, дрожь пробирает даже под курткой из меха выдры.

«Сторожка» — так попросту называли стоявшее здесь строение — была вначале обыкновенным крестьянским домом. Обращенный окнами на юго-запад, он расположен так близко от берега, что кажется дамбой, которую вот-вот захлестнут волны Уэйвни, текущей совсем рядом среди низин и лугов. Но это впечатление обманчиво. Хотя осенью в сумерках его и окутывает мгла — так у нас в Норфолке называют стелющийся по земле туман, — хотя во время половодий река иной раз заливает на заднем дворе конюшни,

¹ Эрл — староанглийский титул знатного человека.

наш дом, выстроенный на фундаменте из песка и гравия, считается самым здоровым жилищем во всем приходе. Он сложен из красного кирпича и кажется одновременно причудливым и очень милым со своими многочисленными выступами и башенками на крыше, утопающими летом среди вьющихся роз и других ползучих растений. Из окон открывается вид на луга и выгоны, краски которых беспрестанно меняются в зависимости от времени года и часа дня, на красные крыши Банги и на лесистый вал, окружающий иршемские земли. Есть, конечно, в наших местах дома побольше и побогаче, но этот старый дом мне всего милее, ибо здесь я родился, здесь жил и здесь надеюсь умереть.

Я уделил этому описанию, пожалуй, слишком много времени, как, наверное, сделал бы каждый из нас, если бы речь шла о месте, которое стало нам дорого в силу многолетней привычки. А теперь я расскажу о своей семье.

Прежде всего я хотел бы сказать — и не без гордости, ибо кто из нас не гордится старинным именем, которое нам дарит случайность рождения? — что я принадлежу к роду Вингфилдов, из Вингфилдского замка в Суффолке, расположенного отсюда в каких-нибудь двух часах езды верхом. Когда-то в старину наследница Вингфилдов вышла замуж за некоего де ля Поля, семья которого весьма известна в нашей истории: последний из де ля Полей, Эдмунд, граф Суффолкский, в дни моей юности был обезглавлен за измену. Так вот, замок Вингфилд вместе с наследницей перешел к де ля Полю. Однако в окрестностях осталось несколько семейств из боковых ветвей древнего рода Вингфилдов. Кажется, они имели герб с полосой на левой стороне щита, но герб меня никогда не интересовал, да и не интересуется. Важно только то, что мои предки и я происходим именно из этого рода.

Мой дед, человек неглупый, по складу своему был скорее йоменом¹, нежели сквайром, хотя и происходил из дворянского рода. Он-то и купил этот дом с прилегающими к нему землями и сколотил кое-какое состояние, главным образом благодаря разумному образу жизни и удачным женитьбам — имея лишь одного сына, он был женат дважды, — а также благодаря торговле скотом.

При всем этом дед мой был набожен почти до ханжества и, как ни странно, во что бы то ни стало хотел сделать своего единственного сына священником. Однако мой отец не имел ни малейшего

¹ *Йомен* — свободный крестьянин.

призвания ни к карьере священнослужителя, ни к монастырской жизни. Напрасно дед дено и ночью наставлял его на путь истинный — то уговорами и примерами из Писания, то увесистой дубинкой из остролиста, которая до сих пор висит у меня над камином в малой гостиной. Кончилось все это тем, что отца послали в наш бангийский монастырь, где он повел себя так, что не прошло и года, как настоятель монастыря потребовал, чтобы родители забрали его обратно и сами нашли ему какое-нибудь дело в светской жизни. Настоятель сказал, что мой отец не только давал повод для всяких кривотолков в приходе, удирая по ночам из монастыря в питейные дома и прочие злачные места, но дошел до такой наглости, что осмелился подвергать сомнению и насмешкам самое учение святой Церкви. Так, например, он говорил, будто в статуе Девы Марии, что стоит в часовне, нет ничего божественного, и во время молитвы, когда священник славил Святого Духа, бесстыдно подмигивал Деве в присутствии всей монастырской братии.

— Посему, — сказал в заключение настоятель, — я прошу вас забрать своего сына, дабы он попал на костер каким-либо иным путем, а не прямехонько из ворот бангийского монастыря!

От всего этого дед мой пришел в такую ярость, что его едва не хватил удар. Затем, немного успокоившись, он взялся за свою дубинку из остролиста и хотел было пустить ее в ход. Но тут мой отец, который в свои девятнадцать лет был парнем статным и очень сильным, вырвал дубинку из его рук и забросил ее самое малое ярдов на пятьдесят. При этом он сказал, что отныне ни один человек не посмеет до него и пальцем дотронуться, будь он хоть сто раз его отцом, а затем вышел, оставив моего деда и настоятеля таращить друг на друга глаза.

Чтобы долго не тянуть, расскажу, чем все кончилось. Мой дед и настоятель дружно решили, что истинная причина непокорности моего отца заключается в страсти, которую ему внушила одна девица низкого происхождения, смазливая дочка мельника с вайнфордских мельниц. Может быть, они были правы, а может быть, и нет. Никакого значения это не имеет, поскольку девица вскоре вышла замуж за мясника из Беклса и умерла много лет спустя в нежном возрасте девяноста пяти лет от роду. Но как бы ни была ошибочна такая догадка, мой дед в нее поверил и, хорошо зная, что разлука является самым надежным средством от любви, поговорил с настоятелем и задумал отослать моего отца в Испанию, в один из монастырей Севильи, в котором брат настоятеля был аббатом, дабы юно-

ша позабыл там о дочери мельника и обо всех прочих светских соблазнах.

Узнав о таком решении, мой отец согласился с ним довольно охотно: несмотря на свою молодость, он был достаточно умен и очень хотел повидать мир, хотя бы из окошка монастыря. В конечном счете его порекомендовали заботам испанских монахов, прибывших в Норфолк для поклонения нашей Божьей Матери Уолсингемской, и он вместе с ними отбыл в заморские края.

Говорят, мой дед на прощание заплакал, словно предчувствуя, что больше уже не увидится со своим сыном. Однако его вера или, точнее, его суеверие было настолько сильно, что он без колебаний отослал своего сына на чужбину, хотя и не имел к тому ни малейшего повода. Он пожертвовал своей любовью и своей плотью точно так же, как Авраам пожертвовал сыном своим Исааком.

Мой отец сделал вид, что согласен стать жертвой вроде Исаака, однако в глубине души он меньше всего был готов взойти на алтарь для заклания. В действительности, как он сам потом говорил, у него были совсем иные намерения.

Полтора года спустя после того, как отец отплыл из Ярмута, от аббата севильского монастыря пришло письмо для его брата, настоятеля монастыря Святой Марии Бангийской. В нем аббат сообщал, что мой отец сбежал из монастыря, не оставив никаких следов. Эти известия сильно огорчили деда, однако он ничего не сказал.

Прошло еще два года, и до моего деда дошли новые слухи. Ему сказали, что его сын пойман, передан в руки Святого судилища, как в те времена называли инквизицию, и замучен во время пыток в Севилье. Услышав об этом, мой дед разрыдался и проклял себя за безумную мысль обратиться к церковной карьере того, кто не имел к ней ни малейшего призвания, что привело к постыдной смерти его единственного сына. После этого он разругался с настоятелем Святой Марии Бангийской и перестал жертвовать на монастырь. Но все же он так и не поверил, что мой отец действительно умер, ибо два года спустя перед смертью он говорил о нем так, словно тот был жив, и оставил ему подробные распоряжения относительно земли, которая отныне переходила к нему.

В конечном счете оказалось, что дед верил не напрасно. Однажды, года через три после его смерти, в ярмутском порту высадился не кто иной, как мой отец, который отсутствовал почти восемь лет. Он прибыл не один: вместе с ним с корабля сошла его жена, очаровательная молодая дама, которая впоследствии стала моей ма-

терью. Она была испанкой из благородной семьи, уроженкой Севильи, и ее девичье имя было донья Луиса де Гарсиа.

Я толком не знаю, что пережил мой отец за восемь лет отсутствия. Сам он почти ничего об этом не говорил. Однако о некоторых его приключениях мне придется рассказать.

Я знаю, что он действительно побывал в руках Святого судилища, потому что однажды, когда мы купались в затоне Уэйвни, расположенном ярдов на триста ниже нашего дома, я заметил, что его грудь и руки исполосованы длинными белыми шрамами. До сих пор помню, как я спросил отца, что это за шрамы. Его доброе лицо почернело от ненависти; отвечая скорее самому себе, чем мне, он сказал:

— Это сделали дьяволы. Это сделали дьяволы по приказу Сатаны, который бродит по земле и будет царем в аду. Слушай, сын мой Томас! Есть такая страна, которая зовется Испанией. Там родилась твоя мать, и там дьяволы предают пыткам мужчин и женщин. Там они сжигают людей живьем во имя Христа! Меня предал тот, кого я называю Сатаной, хоть он моложе меня на три года, и я попался в лапы дьяволов. Эти шрамы оставили на моем теле их клещи и раскаленное железо. Они бы сожгли меня живьем, если бы твоя мать не помогла мне бежать! Но такие вещи — не для ушей ребенка. Не проговорись, Томас! У Святого судилища руки длинные! Ты наполовину испанец — об этом говорят твои глаза и цвет кожи. Но что бы ни говорили твои глаза и кожа, пусть сердце твое говорит другое. Пусть сердце твое останется сердцем англичанина, недоступным никакому чужеземному искушению! Ненавидь всех испанцев, Томас, кроме твоей матери, и смотри, чтобы кровь ее не взяла в тебе верх над моею кровью!

Я был в то время еще совсем ребенком и почти не понял ни его слов, ни того, что они означают. Зато позднее я понял их слишком хорошо. Что же касается отцовского совета укротить в себе испанскую кровь, то я всегда старался ему следовать, ибо знал, что именно эта кровь толкала меня на многие дурные поступки. Она была причиной моего необычайного упорства или, вернее, упрямства, и только она возбуждала во мне неподобающую христианину ненависть к тем, кто однажды причинил мне зло. Я делал все возможное, чтобы избавиться от этих и других пороков, однако, как шило в мешке не таи, острое все равно вылезает наружу, и в этом я убеждался неоднократно.

В нашей семье было трое детей: мой старший брат Джеффри, я и моя сестренка Мэри, которая была на год моложе меня. Более очаровательного и нежного создания я не встречал никогда.

Мы были счастливыми детьми. Отец и мать гордились нашей красотой, вызывавшей зависть других родителей. Я был темнее всех, смуглый почти до черноты, а у Мэри испанская кровь сказывалась лишь в ее великолепных бархатных глазах да в цвете щек, румяных, как спелые яблочки. Из-за черных волос и смуглоты мать частенько называла меня своим маленьким испанцем. Но это она делала только тогда, когда отца не было поблизости, потому что такие слова приводили его в ярость. Она так и не выучила как следует английский, однако отец не позволял ей говорить при нем на другом языке. Зато когда его не было, мать говорила по-испански, но из всех детей по-настоящему знал испанский язык только я, да и то, скорее всего, потому, что у матери было несколько томиков старинных испанских романов. С раннего детства я обожал подобные истории, и мать убедила меня выучить испанский язык главным образом тем, что обещала мне дать их почитать.

Сердце моей матери все еще тосковало по ее солнечной родине, о которой она часто рассказывала нам, детям, особенно зимой. Зимой она ненавидела так же, как и я. Однажды я спросил, хочется ли ей вернуться в Испанию. Вздрогнув, она ответила, что нет, потому что там живет один человек, ее враг, который ее убьет, и потому, что она привязана всем сердцем к нам и к нашему отцу. Я подумал, что этот человек, который хочет убить мою мать, наверное, и есть тот самый «сатана», как его называл отец, но вслух сказал только, что вряд ли найдется злодей, который осмелится убить такую добрую и красивую женщину.

— Ах, сынок! — возразила мать. — Он как раз потому и ненавидит меня, что я такая красивая или, вернее, была красивой. Если бы не твой славный отец, Томас, мне, может быть, пришлось бы выйти замуж за другого.

И при этих словах лицо матери побледнело от страха.

Как-то вечером — мне тогда было уже восемнадцать с половиной лет — к нам в «сторожку» завернул, возвращаясь из Ярмута, друг моего отца, сквайр Бозард, чье поместье находилось в нашем же приходе. В разговоре он обронил, что в порту бросил якорь испанский корабль с товарами. Мой отец сразу же насторожился и спросил, кто капитан этого корабля. Сквайр Бозард ответил, что не знает его имени, однако видел капитана на базарной площади; это вы-

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
ДОЧЬ МОНТЕСУМЫ
•
ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ
•
ПЕРСТЕНЬ
ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Наталья Бобкова, Валентина Гончар,
Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.12.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

